ISSN 0027-8009

НАШ СОВРЕМЕННИК

Журнал писателей России

№ 1 2012

SHOUT
SHARE
IT

- «Москва сдана не будет!». Из записок военных лет

«Москва сдана не будет!». Из записок военных лет

.. Что делать человеку моего поколения, если ему исполнилось недавно восемьдесят лет, впрочем, сохранившему еще ясность мышления, возможность с достаточной стройностью излагать свои мысли на бумаге и имеющему горячее желание продолжать быть полезным соотечественникам и, в первую очередь, молодёжи, своим детям и внукам? Очевидно, что стоит вспомнить о делах минувших, правдиво обо всём рассказать, поделиться своим жизненным опытом и тем самым внести полезный вклад в наше, столь трудное настоящее, а также в недалёкое будущее, которое, как говорили ещё древние, «…теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно».

С этих слов мой отец, Алексей Борисович Парцевский (1911–1998), начал свои мемуары. В них он вспоминает и своё раннее детство, и отрочество, и юность, и трудные дни войны, в которой участвовал от обороны Москвы до Победы. Отца вырастила и воспитала, также как и многих других юношей и девушек того поколения, наша Советская Родина. Он прошёл хорошую жизненную школу, начав с рядового рабочего, пройдя службу в Красной Армии в авиационных частях и став перед войной заместителем директора научно-исследовательского института. Записи, или, вернее, дневники, отец вёл с детских лет. К сожалению, все они не сохранились до нашего времени. Скромен и журналистский опыт времён войны: отец писал заметки об однополчанах в дивизионные, армейские и фронтовые газеты под псевдонимом Павел Алексеев. А в 1943 году он начал писать заметки лично для себя, хотя вести на фронте дневники запрещалось. Вот что он сам сообщает об этом.

В июле 1943 года, получив уже значительный опыт войны с немецкими фашистами, я решил записать свои воспоминания о днях войны. Эти записи были начаты вблизи от переднего края в блиндаже у разбитого дома на западной окраине станицы Крымской. И первые строки в них нередко сопровождались аккомпанементом разрывов снарядов и бомб. Далее я вернулся к этим записям, так и получившим название «Дни войны», летом на Карельском фронте, в землянке на 45 км шоссе Кандалакша — Куалоярви, где наш полк стоял в резерве. Потом в селе Хаж, близ Люблина, в Польше, в конце декабря 1944 года. И в разных местах после войны. Они были переписаны из разных тетрадей уже в Дрездене, летом 1947 года.

Я взял на себя смелость подготовить записки моего отца в той части, которая касается начала войны и обороны Москвы осенью 1941 года, к публикации. Тому уже 70 лет, а моему отцу в этом году исполнилось бы 100 лет…

Андрей Парцевский

* * *

22 июня. Воскресный день. Я вместе с женой и двумя дочками находился тогда на даче в Томилино под Москвой в гостях у родителей. Собрались накануне вечером в субботу — праздновать моё тридцатилетие. Приехала сестра с мужем Евгением Сокольским и сынишкой Станиславом. К вечеру затеяли чаепитие с пирогами и сладостями. Но почти все разговоры сводились к одной волнующей проблеме: когда начнётся война? Спать легли поздно.

Утром по радио звучала музыка. Радиотрансляционные точки ведь в каждом доме и работают с 6 часов утра. Сообщение о том, что в 12 часов дня по радио выступит Молотов, прозвучало неожиданно. Вся семья собралась у радио.

Звучат взволнованные слова Молотова. Чувствуется, что он сам глубоко переживает то, о чём говорит.

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключён договор о ненападении, и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за всё время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и

полностью падает на германских фашистских правителей..

.. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Зиночка заплакала. А старшая моя дочка Маринка, видя тревожное настроение, залезла на коленки ко мне и требовала, чтобы её развлекали.

Итак, война началась. Это значит, что красный листок, вложенный в мой военный билет, на котором написано: «по особому вызову», скоро должен выполнить свое предназначение. Женя Сокольский также вскоре должен быть мобилизован.

Не теряя драгоценного времени, мы решили строить убежище для семьи в саду, недалеко от дома. Заняться этой работой нам, мужчинам, сейчас значит занять работой и женщин, дать им время успокоиться.

…Везде обсуждают речь Молотова. Строятся различные предположения, начиная от таких, где говорят только о приграничных боях, защите собственных границ. И заканчивая вероятными возможностями наступления на Варшаву и переходом угнетённого рабочего класса Европы на сторону СССР. Называют различные сроки, но все сходятся на том, что война продлится не более пары-тройки месяцев. Настолько сильна вера в Красную Армию и Красный Флот.

Вечером соседи-подростки вызваны в поселковый совет: разносить мобилизационные повестки. А построенное нами убежище пригодилось буквально вскоре, когда над Москвой стали появляться самолёты противника.

На следующий день, в понедельник, на работе установили постоянное дежурство команд МПВО. Москва затемнена, ночь проходит в ожидании налёта вражеской авиации, но пока всё спокойно. В ночь на 24 июня объявляют воздушную тревогу. Население ряда близлежащих домов уходит в построенное нами бомбоубежище. Команды МПВО дежурят на улицах и крышах. Стреляют зенитки, строчат пулемёты, шарят по небу прожектора. Под утро несколько самолетов проходят высоко в облаках. Тревога оказывается учебной. Всё в порядке! Пока… Но что будет завтра, если немцы и в самом деле начнут бомбить столицу?..

Следующим утром выясняется, что вражеские самолёты действительно пытались совершить налёт. Бывший рабочий института Егоров, а теперь зенитчик, прибывший за расчётом на предприятие, рассказал, что в районе Голицына сбит немецкий «Юнкерс».

…Каждый день уходят в армию призванные граждане. Производство приходится перестраивать, ставить на опустевшие места женщин и изменять план применительно к первоочередным

военным нуждам.

Начинается подготовка военного ополчения. Наши женщины шьют вещмешки, называемые «сидорами», подготавливают необходимые ополченцам вещи. Настроение народа относительно бодрое, хотя вести с фронтов начавшейся войны довольно неутешительные и глубоко тревожат. По радиотрансляции звучат названия оставляемых противнику городов, а затем неизменная песня: «Прощай, любимый город!». На улицах много призванных с вещмешками за плечами, они идут обычно с провожающими. Слышатся старые песни времён гражданской войны — это группы призывников проходят от сборных пунктов к вокзалам. Но общественный транспорт, магазины, театры и кино работают, как обычно.

Появились первые сводки Совинформбюро. Из сообщения от 28 июня следует, что везде идут тяжёлые бои. Называются Шауляйское и Минское направления. А вот на Луцком направлении «…в течение дня развернулось крупное танковое сражение, в котором участвует до 4000 танков с обеих сторон. Танковое сражение продолжается. В районе Львова идут упорные, напряжённые бои с противником, в ходе которых наши войска наносят значительное поражение ему. Наша авиация вела успешные воздушные бои и мощными ударами с воздуха содействовала наземным войскам. При налёте на район Тульчи нашей авиацией уничтожено 2 монитора противника на реке Дунай. На остальных участках фронта наши войска прочно удерживают госграницу».

28 июня. Меня вызывают во Фрунзенский РК ВКП(б), где специальная комиссия подбирает коммунистов в ударный отряд. В коротком разговоре с секретарём райкома Богуславским услышал: «Вам придётся подождать. Вы — лётчик, и будете призваны особо».

Ожидание призыва становится нестерпимым… Всё уже готово для ухода в армию. Нашлась замена на работе. Устроил все домашние дела. Уложил в вещмешок всё необходимое. Сходил в военкомат, просил записать добровольцем, а услышал дежурные слова: «Ждите! Вас вызовут!»

3 июля. Жаркое утро. На работе звучит телефон: «Через два часа прибыть в пункт сбора на Шаболовке, 21. Иметь при себе следующие документы…».

Но разочаровали! Вместо авиации призвали на курсы политруков МВО. Курсы находятся в летних лагерях в Покровском-Стрешневе, совсем рядом с Москвой. Правда, всех призванных успокоили: «Пройдя двухмесячные курсы, получите воинское звание и будете направлены на политработу в те войска,

где служили ранее в кадрах!». Снова начинается воинская служба…

Уже при решении всяких организационных вопросов выяснилось, что все мои новые товарищи призваны из запаса, всем по 25–35 лет. Все являются членами ВКП(б).

С 3 июля по 7 сентября я нес службу курсантом в Покровском-Стрешневе. Каждый день проходит за учёбой. Тяжёлые марши с полной боевой нагрузкой. Тактика: «Противник слева! Противник справа! Перебежками, вперёд! Ползком, вперед — 100 метров, марш! Взвод, газы!». И это всё в пыли, под июльским солнцем. Рытьё щелей и обучение штыковому бою: «Коротким коли! Длинным коли!»… Потом изучение трудов Ленина и Сталина, «Краткого курса истории ВКП(б)», политработа в различных боевых условиях. Так — каждый день по 10–12 часов. Спать приходится мало и, когда это удаётся, в палатках. Снимаем только сапоги. Под головой патроны и гранаты, винтовки рядом. Учебный батальон курсантов готовят в любую минуту быть готовыми к борьбе с парашютными десантами противника, о них много говорят, нас часто поднимают по тревоге. Раз в неделю питание выдают сухим пайком. Это копчёная колбаса, сухари и чай. Как только темнеет, звучит сигнал воздушной тревоги, по которой все, кроме наряда, уходят в щели, отрытые поблизости в сосновом лесу. Так проходит первый месяц войны.

А сводки Совинформбюро всё тревожней. Из вечернего сообщения 22 июля: «В течение 22 июля наши войска вели большие бои на Петрозаводском, Порховском, Смоленском и Житомирском направлениях. Существенных изменений в положении войск на фронтах не произошло».

… Но если смотреть на карту СССР и найти эти города, сразу становится понятным, какую огромную территорию уже захватил противник. Каких же это «существенных изменений не произошло»?..

22 июля. Тёплый летний вечер. В 21.00 ужин был прерван стрельбой зениток. Вражеский самолёт среди разрывов зенитных снарядов уходит на запад. В 22.00 — отбой. Едва успели снять сапоги — снова сигнал воздушной тревоги. Уже темнеет. Мы, курсанты, разбегаемся в свои укрытия, наблюдаем за привычной уже далёкой стрельбой зениток и лучами прожекторов, которые рыскают по горизонту. Примерно через час зенитный огонь приближается к лагерям, и вдруг становятся видны три самолёта в лучах прожекторов. Они идут на Москву! Проклятые немцы, прорвались-таки к нашей столице. Где-то вдали слышатся тяжелые разрывы. Первые бомбы падают на город… Неужели они

сумеют разрушить нашу красавицу Москву?

Зенитный огонь то усиливается, то ослабевает, возникая в разных местах горизонта. Лучи прожекторов, словно огромные руки, бродят по небу, стараясь схватить цель. Летят снопы трассирующих пуль. Внезапно над моей щелью раздается резкий свист, и в нескольких метрах от меня что-то падает и сейчас же загорается ослепительным ярко-белым светом. Таких очагов на территории лагеря и окружающей местности возникли сотни. Это зажигательные бомбы, которые мы видим первый раз. Ближайшая ко мне бомба горит, рассыпая кругом пучки искр. Я выхватил сапёрную лопатку и начал засыпать её землей. Пламя становится меньше и, наконец, гаснет. Так же поступают и другие курсанты с остальными бомбами.

К сожалению, за забором, рядом с лагерем, загорается деревянный барак. Слышны крики женщин, плач детей. Бросаемся туда! Шагов через двадцать происходит сильный взрыв, тёплая волна сбивает с ног, со свистом разлетаются осколки — это рвётся сброшенная с самолёта фугасная бомба. Слышны ещё взрывы. Это немецкий самолёт бомбит лагерь.

«Зажигалка» у барака потушена. Женщины и дети кричали скорее от страха, чем от причинённого ущерба. Возвращаемся на территорию лагеря, перелезая через забор. Светает. Снова слышен гул моторов. Вражеский самолёт летит совсем низко. Видны жёлтые консоли и чёрные кресты на них. Все кидаются в мелкую канаву. Резкий свист и грохот, свист осколков. Всех обдаёт землей и едким дымом. В десяти метрах — воронка от бомбы, дно которой ещё дымится. Рядом, на коновязи есть убитые и раненые лошади, часть из них сорвалась с привязи и мечется по дороге…

Со стороны Москвы видно зарево — полыхают пожары. Почти совсем рассвело. Два наших истребителя пролетают над лагерем в синем небе. На территории лагеря до 30 воронок от фугасных бомб в 100–250 кг, на земле то тут, то там торчат стабилизаторы немецких «подарков» — неразорвавшихся «зажигалок». Комендант лагеря, к ужасу всего лагерного начальства, дёргает эти бомбы за хвост без всякого страха и укладывает их охапками, как дрова. По его примеру собрано более ста таких «подарков». На каждом — немецкие буквы на алюминиевом сплаве, из которого сделаны бомбы. По-видимому, вся бомба отлита из какого-то сплава типа «термит». Кроме бомб находим металлические стержни длиной около двух метров с какими-то пружинами. Вероятно, это держатели для бомб. На каждой умещается по 30–40 штук «зажигалок». В лагере потери невелики: два курсанта ранено, убито несколько лошадей. Первая бомбёжка Москвы закончилась — сколько их ещё предстоит увидеть и

пережить?..

Через два дня наш взвод находился в полевом карауле. К вечеру добрались до села Воскресенского, что около Тушино. Расположились на возвышенности, метров за 200 от шоссе. Начальник караула расставил секреты. Хорошо был виден Тушинский аэродром, где когда-то я впервые совершил полёт на самолёте, прыгал с парашютом, где проходили шумные авиационные праздники. Рядом — крутой берег Москвы-реки. На нём корпуса новых зданий. Над городом на стальных тросах в изобилии висят аэростаты воздушного заграждения. Тихий и тёплый летний вечер. Мирно гудят комары, всё время норовят впиться. Мало что напоминает о войне.

Темнеет. Далеко вправо по долине реки видны вспышки. Бледные лучи прожекторов начинают шарить по небу. Через полчаса слышны гудки. В Москве объявили воздушную тревогу. Значит, опять налёт! Москвичи прячутся в метро. Верно, и Зина, жена сейчас с детьми торопится укрыться там. А я ничего не могу для них сделать!..

Вот уже видны разрывы, лучи прожекторов вспыхивают и погасают, доносится стрельба зениток. Вскоре зенитки начинают стрелять рядом, прикрывая аэродром. Большой участок неба над полевым караулом покрывается разрывами зенитных снарядов. Прожекторы действуют сразу в нескольких местах. Их сотни. Над Москвой-рекой виснут фонари и медленно плывут к земле. Это вражеский самолёт сбросил осветительные бомбы, указывая, по-видимому, курс на Москву. В самой столице видно зарево, доносятся взрывы. Значит, немцы всё-таки прорвались. В лучах прожекторов виден самолёт, вдруг он бросает зелёную ракету. Прожектора гаснут. Это наш ночной истребитель.

Тревога продолжается около трёх часов. С того места, где я нахожусь, видна вся картина ночного налёта немецких бомбардировщиков на Москву.

.. Учёба идёт своим порядком. В конце июля приходит приказ о её продлении с двух до шести месяцев. Многим это кажется слишком большим сроком: война, мол, скоро закончится. Другие, более осторожные, думают, что немцев постигнет разгром зимой, как Наполеона. О более длительных сроках речь не идёт. Кое-какие ретивые писаки в газетах приводят данные о том, что для ведения длительной войны, скажем, в течение года или более, у немцев не хватит нефти. Существует ещё надежда на то, что пролетариат захваченных немцами стран поднимется в защиту Страны Советов.

7 сентября. Приходит приказ о переходе на зимние квартиры

в Алёшинские казармы. На одном из занятий рассказали, где нам выпало служить. Эти казармы раньше назывались Крутицкими по названию соседнего Крутицкого подворья, основанного ещё в XIII веке. В XVIII веке они были переданы под казармы частям жандармского корпуса. При них существовала и политическая тюрьма. В ней 7 месяцев провёл в заключении А. И. Герцен. Потом в казармах размещался Московский внутренний гарнизонный батальон. С начала Первой мировой войны в них находилась 6-я школа прапорщиков, которую во время Великой Октябрьской социалистической революции захватили красногвардейцы. С 1922 года казармы названы Алёшинскими — по фамилии одного из героев Октябрьской революции 1917 года А. А. Алёшина.

Маршевый переход в казармы поразил меня! Насколько же изменилась Москва за три месяца. Мостовая, по которой шли, имеет пятнистую окраску. Рядом — макеты из фанеры, изображающие крыши. Ими шоссе заставляется при воздушных налётах. Большие здания раскрашены жёлто-чёрными пятнами. Кое-где натянуты маскировочные сети. С помощью таких же сетей изменена форма здания Центрального театра Красной Армии, куда нас однажды сводили на спектакль, посвященный А. В. Суворову.

Поток машин с различными военными грузами, замаскированными зелёными ветками, стремился на выезд из Москвы. Автобаты везут на фронт боеприпасы, продукты. На улице много граждан в полувоенной форме с противогазами, иногда и с оружием. Это — народное ополчение. С противогазами не расстаёмся и мы, курсанты: ходят упорные слухи о возможном химическом нападении врага. Маршевую колонну обгоняют большие автобусы с ранеными. В 300–350 км от Москвы идут жестокие бои в районе Смоленска и Ельни. Противник наступает по всем фронтам и добился больших успехов. Врагу оставлен Киев. Бои идут у стен Ленинграда.

Самую большую опасность представляют немецкие танки. Нас учат, как бороться с танками: не бояться, устраивать засады, подползать ближе, метко метать бутылки с горючей смесью или связки гранат в заднюю часть танка. Появляется новое средство борьбы с танками: противотанковая граната. Правда, их мы ещё не видели. На вооружении у нас винтовка СВТ и польские трофейные гранаты.

… В Алёшинских казармах учёба продолжается. Во дворе отрыли «щели». По сигналу воздушной тревоги разбегаемся по своим местам. Я назначен командовать двумя расчётами спаренных пулемётов «Максим» на треногах. Почти каждую ночь бывает налёт — совсем немцы не дают спать.

На дворе конец сентября. Воздушные тревоги начались и днём. Однажды, часов в пятнадцать, объявили воздушную тревогу. Я со своими расчётами был у пулемётов. Сначала слышалась стрельба зениток. Вдруг из низких облаков вывалился чёрный немецкий бомбардировщик «Ю-87» и полетел мимо казарм. Дал вводную, и расчёты начали палить длинными очередями. «Юнкерсу» пришлось сбросить бомбы на пустырь, в нескольких сотнях метров в стороне. Потом он резко свалил в сторону и ушёл вдоль Москвы-реки.

Однажды ночью мы наблюдали, как прожектора высоко над городом схватили в свои лапы вражеский бомбардировщик. Кругом огненными комочками засверкали разрывы зенитных снарядов. Самолёт вспыхнул длинным языком пламени и упал вниз.

Устраиваются двухсторонние учения: марш в район Крюково и «бой» с курсами «Выстрел». Они — «синие», курсы политработников — «красные». Много бестолковщины, пальбы холостыми патронами. Вышли из Москвы ещё часа в три ночи, поднятые «по тревоге». А «война» продолжалась до позднего вечера. Километров шестьдесят в движении. После команды «Отбой!», порядком мокрые от лазания по лесу, «враги» выстраиваются длинной шеренгой. Прямо напротив меня какой-то седой генерал начал делать разбор учений. У меня вдруг потемнело в глазах от усталости… очнулся уже на земле. Свалился в сторону генерала, едва не задев кого-то из генеральского окружения штыком винтовки!

Через несколько дней находимся на стрельбище в Нахабино. Все мокрые — дождь льёт не прекращаясь. Наутро занятие: наступление стрелкового взвода с боевой стрельбой. Задача в том, чтобы поразить максимум мишеней на различных дистанциях. К вечеру продырявленные мишени наглядно показывают достигнутые успехи. Недаром учились! Будущие политработники, мы сбросили свой гражданский облик вместе с жирком мирных лет. Думаю, войска получат достойное пополнение политработников. Пота в учёбе пролито много, но, надо признаться, пополнены как строевые, так и политические знания.

3 октября. В клубе Алёшинских казарм выступает с докладом женщина — представитель Коминтерна: «…Гитлер снова перешел в наступление! Он хочет взять Москву!..».

Москва с каждым днем пустеет. Уехали дипломаты, часть правительства. Стало намного меньше детишек. Они уже на Востоке — в Сибири. Кое-кто из гражданских просто сбежал от бомбёжек.

А к нам прибывает пополнение: политработники, призванные из запаса. Многие уже не помнят, как нужно обращаться с винтовкой.

Однажды утром, в десятых числах октября, всех, кто находится в казармах, выстраивают во дворе. Из курсантов и пополнения формируют полк. Я назначен командиром пулемётного отделения. Расчёт: два курсанта и призванные из запаса батальонный комиссар и три политрука. Приходится усиленно обучать своих новых подчиненных устройству станкового пулемета, готовить ленты для стрельбы, набивать их бронебойными патронами, пули которых окрашены в чёрный цвет. Проверять наличие необходимого снаряжения. Роздан НЗ (неприкосновенный запас). С минуты на минуту весь полк ожидает приказа на выход из казарм. Ходят слухи, что полк приготовлен для уличных боёв в Москве…

15 октября. Государственный Комитет обороны СССР принял решение об эвакуации Москвы. На следующий день началась эвакуация (в Куйбышев, Саратов и другие города) управлений Генштаба, военных академий, наркоматов и других учреждений, а также иностранных посольств. Осуществляется минирование заводов, электростанций, мостов. При этом И. В. Сталин принял решение не покидать Москвы и остался в городе.

16 октября. Самый тревожный день! Начальству курсов и части курсантов приказано убыть в город Горький. Имущество курсов грузится на грузовики и отвозится на станцию Москва-Курская. Моё отделение назначено сопровождать грузы. На улицах неспокойно. У Крестьянской заставы толпа народа. Оказывается, предприятия не работают. Чтобы пробиться с гружёными автомобилями через людской поток, приходится расталкивать кое-кого прикладами Легковые машины, пытающиеся проехать на Рязанское шоссе, толпа не пускает, заставляя пассажиров вылезать из них.

В этот день, часов в двенадцать, в расположение полка пришёл мой отец, Борис Иванович, договариваться о том, как быть, если немцы войдут в Москву. Решили: он с матерью, Зинаидой и детишками уйдут через Томилино в леса по Казанской дороге и далее на Восток. Не хочется верить, что Москва будет оставлена. Тяжёлый, чёрный день! Он после войдёт в историю как «день смятения».

17 октября. Утром приказ: собраться и строиться. Длинная походная колонна курсантов в полном походном снаряжении идёт по обезлюдевшим улицам столицы. Женщины, не стесняясь, плачут, провожая нас.

Путь оказывается недалёким. Клуб имени Кухмистерова.

Курсантский полк назначен в распоряжение коменданта Москвы для охраны города. На следующий день я — начальник патруля на улице Горького. Проверяем документы у всех подозрительных лиц и военнослужащих. За день задерживаем человек сорок. Всех задержанных отводим на Манежную улицу, дом 7, к дежурному коменданту. Там идёт сортировка. Добрая половина из них — дезертиры. За спиной сидящего за столом дежурного дверь в комнату, где складывается отобранное оружие. Чего там только нет, начиная от станковых пулемётов и кончая финскими ножами.

Ночью патруль идёт по пустынным улицам, ведь в Москве действует комендантский час. Воздушная тревога. Разрывы зенитных снарядов над головой. Осколки сыплются вниз, визжа на разные голоса и стуча по крышам и мостовой. Заспанные, полуодетые москвички бегут по улицам в убежища. Особенно жалко поднятых среди ночи детишек. Зина, наверное, тоже бежит в метро, прижимая к себе дочек…

Через день, ночью, патруль проверял подозрительных лиц на станции метро «Охотный ряд». Тяжёлый сон стариков и старух, женщин и детей на жёстких топчанах, расставленных по всей платформе. Задерживается несколько человек. У них отбирается оружие, несколько ручных гранат. Необходимо отвести их к дежурному коменданту. Очень темно, холодная октябрьская ночь, моросит дождь. Вдруг двое задержанных бегут. Приходится стрелять. Но беглецы скрываются в непроглядной мгле…

Утром на Манежной площади находим брошенный кем-то у Манежа «газик». Присланный из комендатуры шофёр забрал машину.

20 октября. Назначен начальником комендантского патруля на Казанском вокзале. Поезда ходят с перебоями. На вокзале тысячи людей в ожидании отправки на восток. Занавешенные окна, полусвет, воздушная тревога, стрельба зениток, разрывы зенитных снарядов. Обычная ночь октября 1941 года в Москве…

Задерживаем подозрительного типа в полувоенной форме, который пытается убедить нас: «…немцы прут с такой силой, что Москва не удержится! Но вообще-то немцы — хорошие люди, они очень любят организованность и порядок…»

После обыска в отделении железнодорожной милиции у него находят документы на разные фамилии. Тут же им занялся следователь.

20 октября. Вечером на курсах зачитывают приказ по Московскому гарнизону. ГКО вводит в Москве и прилегающих районах осадное положение. Командующим армиями на дальних подступах к Москве назначен генерал Жуков, на ближних —

генерал Артемьев. Но самое главное то, что приказ подписан Сталиным в Кремле! Это означает, что Москва сдана не будет.

Однажды, когда наш патруль находился в метро «Площадь Революции», приехала жена, и мы недолго поговорили, сидя на лавочке. Я одет в солдатскую шинель с зелёными петлицами, подпоясан «тёплым» брезентовым ремнем и вооружён винтовкой. Должно быть, очень напоминаю одну из бронзовых фигур, что находились на станции до войны… А теперь все бронзовые фигуры сняты и, по-видимому, спрятаны. Впереди ещё вся война!

Очень страшна бомбёжка в городе. Ночью, в полной темноте, грохает близкий взрыв, жалобно звенят осколки стёкол, летящих из всех витрин и окон на мостовую. Однажды на Ильинке, после взрыва бомбы, осколок стекла глубоко вонзился в шею одного из наших курсантов. Кровь била ручьём. Мы с патрульными пытались её остановить, затащили раненого в освещённый подъезд. Пока звонили в «скорую» и пытались заткнуть рану индивидуальными пакетами, курсант потерял сознание и умер у нас на руках..

Ещё день. После обеда меня и еще нескольких курсантов-москвичей вызывает начальник курсов. Курсантов в полку осталось немного: большинство продолжает учёбу в тылу, где-то в Горьком.

— Вы пойдёте на фронт. Немцы близко от Москвы. Надо воодушевить её защитников, надо улучшить политическую работу среди бойцов. Вы московские коммунисты, и мы на вас надеемся. Как только вам будут присвоено воинское звание политрука, мы вам сообщим.

Курсанты, которые рвутся на фронт, заверили батальонного комиссара, что его доверие будет оправдано. Да и как может быть иначе? Ведь немцы остановлены в 40–50 километрах от города. А что для меня Москва? Москва не только город, где я вырос, где сложился как человек, здесь — моя семья, мой дом. Москва — сердце Советского Союза, большая звезда на карте, на которую с волнением и тревогой смотрят миллионы людей во всём мире!

Москва сдана не будет! Это на данный момент лозунг всех москвичей, оставшихся в столице. Это лозунг всех бойцов, защищающих Москву!

Лицо Москвы с каждым днём меняет свой облик. Баррикады из мешков с песком и землёй, заграждения из стальных «ежей» на улицах, доты и дзоты на перекрёстках, пушки в капонирах во дворах и домах. Идёт постоянное строительство укреплений. Трудятся десятки тысяч москвичей, и особенно москвичек. Идёт упорная работа на заводах и фабриках, где, на оставшемся после эвакуации оборудовании, изготавливаются автоматы и миномёты,

снаряды и мины. Уходят снова на фронт отремонтированные танки. Примерно половина Москвы эвакуирована. Воздушные налёты стали очень частыми, бывают и днём, и ночью. Но налёты уже никого не пугают. Отдельные прорвавшиеся самолеты врага Москва встречает градом пуль и снарядов. «Зажигалки» гасят, и большого вреда они не наносят.

«Мы выстоим!» — пишет в «Правде» Илья Оренбург. Он прав — москвичи это доказывают своим делом. Недаром они тысячами вступают в народное ополчение, ведут борьбу с бомбёжками врага, паникой, слухами, подозрительными элементами, бандитизмом.

Москвички, рабочие и служащие, домохозяйки, посетительницы театров и клубов, стадионов сменили туфельки и демисезонные пальто на сапоги и телогрейки, взяли в руки лопаты и под проливным осенним дождём в липкой грязи копают рвы против немецких танков, сооружают окопы, доты и дзоты, перевыполняя все нормы.

Каждый москвич находит себе дело в городе, фронт от которого в нескольких десятках километров, в городе, к которому тянутся только три железные дороги, не перерезанные врагом. Жизнь в Москве идёт нормально. Пускай в городе уменьшилось движение, темно по вечерам и ночью, пускай грохочут орудия и падают бомбы и «зажигалки», каждый москвич знает, что это временно, что Москву немцам не взять, что они найдут себе здесь только смерть. Подавятся и умрут под Москвой!

… Несколько курсантов, в том числе и я, идём через весь город к Можайской заставе. Здесь, в большом здании, штаб бригады московских рабочих и политотдел соединения. Рядом с домом большая воронка от бомбы, и осколками избита вся стена соседнего дома. Вечереет. Начальник политотдела ставит задачу:

— Вы пойдёте в роты. Помните, отступать некуда. Мы у самой Москвы, нужно погибнуть, но немцев в город не пустить. Ваша задача — создать такое настроение у всех бойцов.

К концу совещания воет сирена, стучат зенитки, немецкие самолёты где-то в серых осенних облаках летят на Москву. С полчаса нам приходится сидеть в убежище под домом. Конец тревоги. Я иду в свою новую часть: 5-й полк московских рабочих, который занимает оборону в укреплённом районе Кунцево. Комиссар полка старший политрук Николаев назначает меня, курсанта Парцевского, замполитрука в роту связи. Полк занимает укрепленный район (УР), проходящий поперёк Можайского шоссе и через город Кунцево.

Здание большой новой школы. Представился политруку роты Шемякину. Познакомился с бойцами и командирами, с которыми

предстоит воевать. Большинство бойцов из народного ополчения и истребительных отрядов — москвичи. Пока ещё никто не воевал. Бои с противником идут в районе Голицино — Нарофоминск. Это в 40 км от УРа.

На следующий день ознакомился с точками роты. Это узел связи полка в блиндаже под землёй в 100 метрах от автомагистрали и дежурные связисты на КП батальонов. Кроме того, средствами связи служат велосипеды и два мотоцикла.

В здании школы находится также подразделение противотанковых собак. Собачки невзрачные, но свои обязанности, по крайней мере, на учёбе выполняют образцово. Лезут под идущий трактор, как в свою конуру.

Вместе с москвичами полк продолжает строить оборону: траншеи в полный рост, перекрытые и замаскированные землёй, дзоты, позиции для орудий, противотанковые сооружения и минные поля. Всё это — в непосредственной близости от Москвы. Иногда слышен далекий гул орудий, фронт совсем недалеко. Часто бывают воздушные тревоги. Недалеко от школы стоит на позициях зенитная батарея. Когда она стреляет, дрожат стены и окна здания. Иногда неподалёку падают бомбы и «зажигалки», от них бывают и настоящие пожары. Одна из сброшенных бомб угодила в Можайское шоссе и не взорвалась. Бесконечный поток машин был пущен в объезд, пока эту бомбу сапёры извлекали из земли.

Однажды вечером возвращался из политотдела бригады на попутной машине. Был сильный мороз с ветром. Зенитки вели огонь по невидимым самолётам, всё небо было в разрывах. Свистели падающие осколки. В Кунцево автомобиль остановился. А из рупора, висящего на улице, донесся голос Сталина. Вспомнил: сегодня, 6 ноября — канун Октября. Сталин говорит: «…Советская власть в короткий исторический срок превратила нашу страну в несокрушимую крепость. Красная Армия из всех армий мира имеет наиболее прочный и надёжный тыл…

Все народы Советского Союза единодушно поднялись на защиту своей Родины, справедливо считая нынешнюю Отечественную войну общим делом всех трудящихся без различия национальности и вероисповедания. Теперь уже сами гитлеровские политики видят, как безнадёжно глупыми были их расчёты на раскол и столкновения между народами Советского Союза. Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны и ещё более закалилась в общей борьбе советских людей против фашистских захватчиков..

Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную

войну, они её получат. Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве её оккупантов. Никакой пощады немецким оккупантам! Смерть немецким оккупантам! Разгром немецких империалистов и их армий неминуем!»

Незабываемый вечер на холодном ветру на асфальте Можайского шоссе. Останавливаются машины, у рупора толпа… Зенитки ведут огонь, но никто не обращает на это внимания — привыкли!

7 ноября. Новое событие: в 7 часов утра парад войск на Красной площади в Москве. И это — в 40 км от линии фронта! Под угрозой воздушного налёта. Еще раз выступает Сталин. Враг не пройдёт! Он будет разбит и уничтожен!

После праздников полк получает новое тёплое обмундирование и дополнительное оружие. Видно, как страна заботится о фронтовиках. По Можайскому шоссе, навстречу врагу, идут новенькие английские танки от союзников. В воздухе кружатся наши истребители.

В один из дней слышится приближающаяся стрельба зениток. Немного в стороне от шоссе летит группа немецких бомбардировщиков. Пятнадцать штук. Кругом них сплошные облака разрывов зенитных снарядов. Вдруг из-за облаков выскакивают три наших истребителя. Через минуту строй немцев разбит, и бомбардировщики расходятся в разные стороны. Облака скрывают дальнейшее. Только доносится стрёкот пулеметов.

Однажды ночью грохот разрывов около блиндажа КП полка, и вся связь не работает. Утром оказалось, что бомба порвала сеть высокого напряжения на линии электропередачи. Упавший провод вывел из строя линию связи.

Один раз ездил на велосипеде навестить своих на Смоленскую площадь. Зина с детьми переехала к маме, Марии Игнатьевне, в Карманицкий переулок. Путешествие совпало с воздушной тревогой. Зазвучали гудки, остановились трамваи и автомобили. Прохожие разбегаются в убежища и подъезды домов. Жизнь на улицах замирает. В облаках слышен гул моторов, бьют зенитки, слышна пулемётная стрельба. У Бородинского моста стреляет зенитная батарея. В центре Смоленской площади установленные на грузовиках счетверённые пулеметы ведут огонь по врагу. Зина с детишками находится в бомбоубежище, рядом с домом. Вскоре тревога кончается. Только начали пить чай, опять тревога. Опять грохочут зенитки, опять надо идти в подвал. Ну ничего, фашисты проклятые! Придёт время, рассчитаемся!

16 ноября. Решил позвонить по телефону на курсы. Приказано немедленно явиться в Управление воздушно-десантных войск Министерства обороны. На ул. Фрунзе получил предписание: «Младшему политруку Парцевскому А. Б. явиться в распоряжение командира 2-го воздушно-десантного корпуса в город Орджоникидзе на должность комиссара миномётной роты».

Жена помогает вставить в петлички по два кубика и пришивает красные звёздочки к рукавам шинели и гимнастёрки. Оказывается, приказ о присвоении звания и отправке на юг был уже месяц назад, только меня не нашли. Выписывается зарплата, выдаются проездные документы…

19 ноября. Прощаюсь со своими бойцами. Приказ есть приказ! Хотя и не хочется уезжать так далеко от Москвы, тем более в такое тревожное время. Ведь понятно, что перелом в войне наступит именно у Москвы, и именно отсюда погонят немца обратно на Запад!

После больших хлопот удаётся отправить в эвакуацию в Сибирь жену и дочек. Тяжёлые минуты прощания. Тёмный вокзал, битком набитые вагоны. С трудом нашлось место для Зины. Как ей удастся с детишками доехать до Омска? Какие трудности придётся пережить? Увидятся ли они ещё когда-нибудь? Железную дорогу немцы бомбят, правда, сегодня — непогода. А за ночь поезд уйдёт далеко. Дальше Александрова немец не летает. Гудок! Поезд отходит от станции! Вижу напоследок сплющенный носик Маринки, прилипший к стеклу вагона…

Не думалось мне тогда, что встретиться с семьёй удастся через два с лишним долгих года. Никто и не подозревал тогда, что война окажется столь длинной!

Пока долго, с пересадками добирался до Кавказа, к новому месту службы, много чего произошло. Но запомнилось очередное сообщение Совинформбюро от 29 ноября: «В последний час. Ещё удар по войскам врага. Несколько дней назад неожиданным налётом немецких войск был занят Ростов-на-Дону. 28 ноября части Ростовского фронта наших войск под командованием генерала Ремизова, переправившись через Дон, ворвались на южную окраину Ростова и вели бой на улицах города с немецкими войсками. Ночью с 28 на 29 ноября части Южного фронта советских войск под командованием генерала Харитонова, прорвав укрепления немецких войск и грозя им окружением, ворвались с северо-востока в Ростов и заняли его. В боях за освобождение Ростова от немецко-фашистских захватчиков полностью разгромлена группа генерала Клейста в составе 14-й и 16-й танковых дивизий, 60-й мотодивизии и дивизии СС „Викинг“. Немецкие войска в беспорядке отступают в

сторону Таганрога. Советские войска преследуют противника. Противник оставил на поле боя свыше 5 тысяч убитыми. Захвачены большие трофеи, которые подсчитываются».

Красная Армия наступает! 28 ноября был взят Ростов-на-Дону, который немцы удерживали несколько дней. 9 декабря освобождён Тихвин. Вот, наконец, 12 декабря в ежедневной радиосводке прозвучал ликующий голос диктора Ю. Б. Левитана:

«6 декабря 1941 г. войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся громадные потери!»

Москва выстояла, не сдалась и разгромила врага! А впереди была ещё целая война…